

Tellingner, Dušan

Исследование языковых и культурных контактов в аспекте художественного перевода

Opera Slavica. 2003, vol. 13, iss. 4, pp. 24-30

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117577>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Душан Теллингер

Дисциплина, занимающаяся переводом, является сравнительно новым разделом науки, который рассматривает сложный, многогранный комплекс вопросов, связанных как с художественной литературой так и с языкознанием (не только с морфологией и синтаксисом, но и стилистикой) определенных языков. В последнем десятилетии внимание теоретиков перевода затронуло и культурологию, в виду того, что переводчик является прежде всего посредником между культурами. Таким образом стали чрезвычайно актуальными вопросы лингвокультурологии, которой уделяет внимание целый ряд выдающихся ученых. Пробным камнем этих исследований является работа известного американского теоретика перевода Ю. А. Найды (1964), в которой он указывает на трудности достижения эквивалентности. На тридцать лет позже были проблемы эквивалентности систематизированы швейцарским теоретиком перевода В. Коллером (1997), который определяет пять типов переводческой эквивалентности: когда одному элементу исходного текста соответствует один элемент, много элементов, никакой элемент или только часть элемента текста перевода, или же наоборот, многим элементам исходного текста соответствует только один элемент текста перевода, причем пятый тип эквивалентности касается по мнению В. Коллера труднейшей переводческой операции – переводу слов-реалий:

1. соответствие один к одному;
2. соответствие один к многим (диверсификация);
3. соответствие многих к одному (нейтрализация);
4. соответствие один к части;
5. соответствие один к нулю (лакуна) (Коллер 1997:232).

По мнению Ю. А. Найды, в случаях, когда лингвистические различия между языками оригинала и перевода значительны, но культуры развивались параллельно, может данное сходство облегчить работу переводчика. И наоборот, различия в сопоставляемых культурах вызывают гораздо больше затруднений при переводе, чем различия в языковых структурах. Когда две культуры взаимосвязаны, но языки совершенно различны, переводчику приходится осуществлять при переводе множество формальных преобразований. Но в конце концов все же действительно, что «значение, следовательно, имеет предпочтение перед формой» (Найда 1996:19).

В работе венгерского исследователя И. Пачай «*Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре*» (2002) делается попытка под-

твердить выводы Ю. А. Найды на практике. Автор данной книги сопоставил переводы с повестью – оригиналом В. Распутина «*Прощание с Матёрой*» (1978). В работе И. Пачаи уделяется внимание реализации эквивалентности переводов в аспекте ареальной лингвистики. В фокусе его исследования стоит изучение специфики русской народной речи, в которой обнаруживаются следы культурных и языковых контактов русской культурной зоны с народами, обитающими в Волжском бассейне. Данная проблема рассматривается впервые в работе Н. С. Трубецкого «*Верхи и низы русской культуры*» (1927). Н. С. Трубецкой центром данного региона определил Волжский бассейн, соприкасающийся с другими культурными регионами Востока. Выводы Н. С. Трубецкого подтверждаются в аспекте ареальной лингвистики в трудах В. Феенкера (1967), О. Б. Ткаченко (1979), Н. А. Баскакова (1979), обращающих внимание на связи русской культуры и языка с культурными и языковыми традициями соседних финно-угорских и тюркских народов.

Принимая концепцию вышеупомянутых исследователей, И. Пачаи взялся за сопоставительное исследование некоторых типичных языковых элементов русской народной речи, в том числе парных слов в русском языке. В его работе «*Ареальные аспекты парных слов в русском языке*» (1995) доказана ареальная специфика данного своеобразного элемента русской народной речи (Теллингер 1999:55–57).

При сопоставлении переводов повести В. Распутина он уделяет особое внимание переводу парных слов. Венгерский исследователь сопоставил словацкий (Jarmila Hlinická), чешский (Dagmar Šlampová), польский перевод (Jerzy Litwiński) с оригиналом. И. Пачаи углубленно занимается данным вопросом, о чем свидетельствуют его статьи: «*Стилистические вопросы перевода парных слов в произведении В. Распутина*» (Падуня 1997), «*Ареальные аспекты словацкого и чешского переводов одного произведения В. Распутина*» (Братислава 1998).

Результаты сопоставительного анализа оригинала и переводов повести «*Прощание с Матёрой*» явно доказывают выводы И. Пачаи, что подтверждается стилистическими данными и конкретными языковыми фактами. При сопоставлении текстов оригинала и переводов, написанных на близкородственных славянских языках, выделяется преимущество использование парных слов в русском оригинале. Данный вид деривации возник в русском языке под влиянием контактов с финно-угорскими и алтайскими народами.

Русс.: „Работник он был аховый, за что ни возьмется, все через пень-колоду, ни в чем толку.“ (67);

Польск.: „Pracownikiem był majowym, doczego się brał, wszystko mu szło jak po grudzie, a sensu za grosz w tym nie było?“ (77);

Чешск.: „Jako pracovník nestál za nic, kam šlápl, tam tráva nerostla, nic pořádného nesvedl.“ (260);

Сдов.: „Robotník bol mizerný, nech sa chytil čohokoľvek, všetko robil halabala, pri ničom nevydržal.“ (85);

(Пачаи 2002:78).

При сопоставлении семантической функции парных слов, использованных в русском языке, со структурами, использованными при их переводе, получается объективная картина об их стилистической функции. Данные простые языковые единицы сжато, образно и выразительно передают смысл говорящего, несмотря на то, что они возникли посредством самого простого вида деривации.

Русс.: *„Дерево еще туда-сюда, оно упадет, сгниет и пойдет земле на удобрение. А человек?“* (36);

Польск.: *„Z drzewem to jeszcze póť biedy, upadnie, zgnije i zacznie uźiźnac̄ ziemię. Ale człowiek?“* (36);

Чешск.: *„Strom je na tom jestě líp – padne, zpráchniví a pohnojí půdu. Ale člověk?“* (219);

Слов.: *„So stromom je to ešte ako-tak, vyvrátí sa, spráchnivie a pohnojí zem. Ale človek?“* (42).

(Пачаи 2002:76).

Достоинны внимания переводы русского сложения «туда-сюда», обозначающего неопределенность в данном предложении. В то же время мы можем узнать авторскую концепцию В. Распутина, использующего с большим успехом исконно народные элементы, свойственные русской крестьянской речи.

Различие в ареальном аспекте выдвигается на передний план особенно при сопоставлении текста русского оригинала с чешским переводом. Чешский язык развивался под влиянием иных культурных и языковых связей, поэтому для чешского переводчика чужды парные слова, свойственные для языков Волжского бассейна. Венгерский исследователь обнаружил в чешском переводе вариант, наиболее точно передающий смысл оригинала. Он указывает, что игнорирование чужих структур, даже как и морфологические реалии, заставляют обратить внимание переводчика на передачу сущности содержания. Значительное различие между культурой Волжского бассейна и чешско-польского ареала подтверждается и в аспекте фольклористики К. Горалекком (1962).

Говоря о концепции польского переводчика, И. Пачаи затронул проблему использования реалий, которая, по нашему мнению, является важным вопросом перевода. Слова-реалии в значительной мере «принадлежат лексике областных говоров и обозначают местные предметы. Такие слова-реалии представляют группу локальных слов в отличие от национальных» (Теллингер 1996:421). Венгерский исследователь указывает на то, что не всякие языковые элементы способны выступать в роли языковых реалий без искажения передачи смысла оригинала в переводах. Мы подчеркивали в наших статьях роль лексических реалий в художественных переводах, сохраняющих местную окраску оригинала. Данная проблема рассматривается в работе Ю. А. Найды (1964), подчеркивающего значение сохранения основного характера языка-оригинала. Парные слова русского языка, обладая фразеологическим характером, редко допускают дословный перевод компонентов. Здесь мы опять должны сослаться на работу Ю. А. Найды, указывающего на неожиданные трудности при переводе определенного текста на близкородственные языки. И. Пачаи подчеркивает тот факт,

что в случае парных слов посредством сложения лексических единиц, обозначающих видовые понятия, обозначаются родовые понятия в созданной ими структуре. Сложные семантические проблемы, связанные с парными словами русского языка, не допускают их использование даже в тех близкородственных языках, в которых используются этимологически родственные эквиваленты компонентов русских структур.

Концепция венгерского исследователя соответствует выводам Г. Егера (1975), считающего желательным изучение больших конкретных языковых фактов в теоретических работах по переводу. По мнению Г. Егера коммуникативная эквивалентность представляется скорее понятием психологическим чем лингвистическим. Для исследования специфических аспектов феномена языка «необходимо искать более точные лингвистические экспликации, соотнесенные с языковыми фактами» (Егер 1975:88).

Сопоставительная работа И. Пачаи не ограничивается русскими парными словами. Он сопоставил фразеологические единицы, использованные в повести В. Распутина, с их славянскими переводами, что также соответствует теории Г. Егера. При сравнении фразеологической единицы оригинала со структурами, использованными в переводах, получается более точная информация о характере языковой модели мира, отражаемой в русской фразеологии.

Русс.: „*Ты сам тутака без году неделя*“ (24);
 Польск.: „*Tyś tam tutaj dwa dni z dzisiejszym*“ (22);
 Чешск.: „*Ty sám tu budeš za rok tejdén*“ (204);
 Слов.: „*Ešte si sa tu ani poriadne nezohrial*“ (27);
 (Пачаи 2002:61)

Русс.: „*Будь он хошь на семь пядей во лбу*“ (77);
 Польск.: „*Żeby nawet był chłop jak się patrzy*“ (89);
 Чешск.: „*Aj i dyby byl sebechtřejšf*“ (254);
 Слов.: „*Aj keby sa bol narodil v čepčeku*“ (99);
 (Пачаи 2002:62).

В. Распутин использует народные обороты, у которых даже в фразеологическом словаре Н. М. Шанского – В. Н. Замина – А. В. Филиппова (1987) установлен исконно русский характер. При их сопоставлении со словацким, чешским, польским переводами также подтверждается специфика русской народной речи и различие между образами русской фразеологии и образами фразеологии западнославянских языков.

Специфические языковые обороты, отражающие по мнению И. Пачаи артельные свойства, также использованы в структурах переводов.

Русс.: „*Шутки шутить будем или что будем?*“ (151);
 Польск.: „*Będziemy to sobie żarty stroić, czy co*“ (184);
 Чушск.: „*‘Co je to za vtipy?’ pustil se do něho rozčilený Voroncov*“ (375);
 Слов.: „*Žarty nabok... – rozčertil sa i tak nervózný Voroncov*“ (200);
 (Пачаи 2002:59)

Русс.: „*Всю ночь криком кричал*“ (16);
 Польск.: „*to przez całą noc krzyczał bez pamięci*“ (11);
 Чешск.: „*jindy prý zas celou noc křičel*“ (191);
 Слов.: „*to celú noc volal na ratu*“ (16);
 (Пачаи 2002:59)

Русс.: „*Колчаковцы, захватив остров, слыхом не слышали про Пашу*“ (129);
 Польск.: „*Kołczakowcy zajęwszy wyspę nic nie słyszeli o Paszy*“ (156);
 Чешск.: „*Kolčakovci..., neměli o Paše ani zdání*“ (345);
 Слов.: „*Kolčakovci..., ani len nechyrovali o Paši*“ (170);
 (Пачаи 2002: 58)

Специфические структуры русской народной речи, повторы типа «этимологическая фигура» также оказывают трудности для переводчиков. Сравнительно простые конструкции передаются не повторами данных языков, а другими языковыми элементами.

Результаты компаративной работы доказывают выводы исследователя, излагаемые в статьях: «*Культурные и языковые контакты, отражающиеся в русском фольклоре*» (Печ 1998), «*О языковой модели мира, отражаемой в русском фольклоре и фразеологии*» (Минск 2001), «*Отражение взаимодействия культур и языков в фольклоре Средней и Восточной Европы*» (Будапешт 2000).

Изучение проблем перевода повести В. Распутина на славянские языки органически примыкает к вопросам, рассмотренным в книге И. Пачаи, ведь результаты компаративной работы служат для автора важным доказательством в освещении сущности русской культурной зоны. Представленные примеры языка-оригинала и ее переводов явно обнаруживают специфические элементы русской народной речи и указывают на несходства между близкородственными славянскими языками. Изучение вопросов перевода русской народной речи содействует решению вопросов, излагаемых в новой книге венгерского исследователя.

Литература:

- БАСКАКОВ Н. А.: Русские фамилии тюркского происхождения. Москва, «Наука» 1979.
- ВОРОБЬЕВ В. В.: Лингвокультурология. Теория и методы. Москва, «Изд. Российского Университета Дружбы Народов» 1997.
- КОЛЕСОВ В. В.: Жизнь происходит от слова. Санкт-Петербург, «Златоуст» 1999.
- ПАЧАИ И.: Ареальные аспекты парных слов в русском языке. Nyíregyháza, Bessenyei György Könyvkiadó 1995.
- ПАЧАИ И.: Отражение свойств славянских фольклорных этнических союзов в микролингвистическом исследовании. STUDIA PHILOLOGICA. Rossica Slávica V. Prešov, Edičné stredisko LVT PdF UPJŠ 1996, 99–105.

- ПАЧАИ И.: Стилистические вопросы перевода парных слов в произведении В. Распутина. In: *Slavica Tergestina* 5. Padova, Università degli Studi di Trieste 1997, 243–252.
- ПАЧАИ И.: Культурные и языковые контакты, отражающиеся в русском фольклоре. In: *Теория и практика преподавания славянских языков*. Т. II. Pécs, JРTE 1998, 123–127.
- ПАЧАИ И.: Ареальные аспекты словацкого и чешского переводов одного произведения В. Распутина. In: *Zborník materiálov z medzinárodnej konferencie: Porovnávací opis statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka*. Bratislava, Stimul 1998, 109–119.
- ПАЧАИ И.: О языковой модели мира, отражаемой в русском фольклоре и фразеологии. In: *Актуальные проблемы исследования языка и речи. Материалы международной конференции молодых ученых*. Минск, Белорусский Государственный Университет 2001, 133–136.
- ПАЧАИ И.: Отражение взаимодействия культур и языков в фольклоре Средней и Восточной Европы. *Studia Russica XVIII*. Budapest, ELTE Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék 2000, 206–211.
- ПАЧАИ И.: Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре. *Nyűregyháza, Stúdium* 2002.
- ТРУБЕЦКОЙ Н. С.: Верхи и низы русской культуры. *Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. Фил.* 1991, № 1, 87–98.
- ТЕЛИЯ В. Н.: *Русская фразеология*. Москва, «Языки русской культуры» 1989.
- ТЕЛЛИНГЕР Д.: Проблема перевода слов-реалий в двух словацких переводах «Кзакав» Л. Н. Толстого. In: *Slavica Quinqueecclesiensa*. Pécs, Krónika Kiadó 1996, 421–427.
- ТКАЧЕНКО О. Б.: Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, «Наукова думка» 1979.
- ФИЛИН Ф. П.: Истоки и судьбы русского литературного языка. Москва, «Наука» 1981.
- ШАНСКИЙ Н. М. – ЗИМИН, В. Н. – ФИЛИППОВ, А. В.: Опыт этимологического словаря русской фразеологии. Москва, «Русский язык» 1987.
- HORÁLEK, K.: *Studie o slovanské lidové poezii*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství 1962.
- JÄGER, G.: *Translation und Translationslinguistik*. Halle (Saale), Max Niemeyer Verlag 1975.
- KOLLER, W.: *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Wiesbaden, Quelle und Meyer 1997.
- NIDA, E. A.: *Toward a Science of Translating*. Leiden, E. J. Brill 1964.
- NIDA, E. A.: *The Sociolinguistics of Interlingual Communication*. Brussel, Hazard 1996.
- TELLINGER D.: Imre Pacsai, *Areal'nyje aspekty parnych slov v russkom jazyke*. In: *Časopis pro moderní filologii*, 81, 1999, č. 1, s. 55–57.
- VEENKER W.: *Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache*. Bloomington – The Hague, Ind. Univ. Publ. Uralic and Altaic Ser. 1967.

Художественные произведения

Распутин, В.: Прощание с Матёрой. Повести. Минск, «Беларусь» 1983. 159 с.

Rasputin, V.: Loučení. Praha, Lidové nakladatelství 1981. 201 s.

Rasputin, V.: Lúčenie. Bratislava, Edícia Štáfeta. Smena 1980. 221 s.

Rasputin, W.: Pozegnanie z Matiorą. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy
1979. 194 s.